

УДК 070

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ИСТОРИЮ ЖУРНАЛИСТИКИ В ТРУДАХ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

В.М. Виниченко

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия

Аннотация

Цель работы состоит в том, чтобы проследить становление истории журналистики в качестве самостоятельного направления англо-американской историографии начиная с её выделения из сферы книгопечатания. Сопоставляя первые изыскания в этой области, предпринятые ещё в XIX в., с последующими трудами, автор прослеживает такие фазы истории журналистики, как становления, естественную, социальную, культурологическую. Если для первой из них характерно восприятие истории журналистики как неотъемлемой части развития всего общества, то фаза естественной истории предполагает не всегда оправданную абсолютизацию собственных законов её эволюции. Ответом на методологические издержки двух первых фаз должна стать социальная и культурологическая история журналистики, однако работы подобного рода пока крайне немногочисленны. В заключение обосновывается важность истории журналистики для преодоления медийного кризиса. Однако прежде она должна соответствовать современному уровню развития исторических знаний, в то время как проведённый анализ показывает, что в настоящий момент англо-американская историография журналистики всё ещё переживает затянувшуюся фазу естественной истории.

Ключевые слова: история книгопечатания, естественная история журналистики, социальная история журналистики, культурологическая история журналистики

В 2008 г. в хорватском научном журнале «Медиаисследования» (“*Medijska istraživanja*”) была опубликована статья К. Эржавек, в которой утверждалось: «В Словении и других странах Восточной и Западной Европы, как и США, изучение истории журналистики остаётся чем-то незначительным. Так, например, на единственном в Словении отделении журналистики курс истории журналистики является самым малопопулярным. В данной области проводится лишь небольшое число исследований (последний проект завершился ещё в 80-х годах XX в.), издано всего несколько книг... Причины этого многочисленны и разнообразны»¹ [1, р. 21–22].

Эти слова удивительно созвучны тому, что без малого шестьдесятю годами ранее Т. Питерсон (Theodore Bernard Peterson)², писал на страницах бюллетеня «Коронто» (“*Coronto*”): «История журналистики – самый малопривлекательный

¹ Здесь и далее перевод наш. – В.В.

² Один из авторов знаменитой работы «Четыре теории прессы» [2].

курс в программе многих школ и отделений журналистики. Тому есть разные причины. Одна из них состоит в том, что история, подобно сироте или бедной родственнице, вынуждена влачить жалкое существование из милости. Молодые преподаватели ведут её по необходимости; опытные – поскольку им жаль отказываться от накопившихся заметок. Они монотонно повествуют о скучных, давно минувших вещах, а полусонные студенты уходят от них со списком мест, дат и имён, чтобы заучить их во время унылой экзаменационной сессии» (цит. по [3, р. 86]).

И всё же К. Эржавек не совсем права. К настоящему времени история журналистики в англоязычных странах прошла достаточно длинный и интересный путь, заслуживающий внимательного изучения уже хотя бы потому, что, по справедливому утверждению К. Барнхарста и Дж. Нероне, одним из источников её развития выступает потребность журналистики в осознании себя как самостоятельной профессии [4, р. 17].

Непосредственными предшественниками истории журналистики как отдельного направления историографии были разного рода хроники, ставившие своей целью проследить развитие книгопечатания после его изобретения. Одним из наиболее ранних англоязычных примеров является изданный в 1733 г. труд лондонского печатника С. Палмера под названием «Общая история книгопечатания, начиная с изобретения в городе Майнце до его распространения и развития в большинстве стран Европы: в особенности его появление и успех здесь, в Англии» [5]. Однако в данной книге нет упоминаний о таком важном в то время периодическом издании, выходившем из-под прессов, как газета³.

Иной взгляд отражён в двухтомной «Истории книгопечатания в Америке» И. Томаса, увидевшей свет в 1810 г. [7]. Автор этой работы просто не мог, подобно Палмеру, обойти газеты молчанием, поскольку те зачастую являлись главным детищем его коллег-печатников, да и сам он, как известно, выступал издателем одной из наиболее ярких революционных газет – «Массачусетс спай» (“Massachusetts Spy”). Прессе посвящена значительная часть второго тома, где, помимо попытки составить полный перечень изданий, выходивших в Североамериканских колониях Великобритании до и после Американской революции, И. Томас счёл необходимым предложить своим читателям небольшой очерк происхождения газет и их развития в данной части Нового Света. Некоторые из его наблюдений, несомненно, представляют интерес для историков журналистики и сегодня.

Типографское дело оказалось столь тесно переплетено с газетным, что все последующие труды в этой области – от «Истории книгопечатания», изданной в 1855 г. в Лондоне по заказу Общества распространения христианских знаний [8], до современных работ (см., например, «Изобретение Иоганна Гутенберга. Из истории книгопечатания. Технические аспекты» Е.Л. Немировского [9]) – не обходились без многочисленных упоминаний о роли газет в развитии полиграфической техники. Но и для журналистики эта родовая связь не осталась бесследной⁴.

³ По свидетельству М. Вельке, на родине книгопечатания, в Германии, уже в XVII в. на долю газет приходилась большая часть всей печатной продукции [6, S. 13].

⁴ На неё отчётливо указывает целый ряд профессиональных терминов, таких как *scoop* (эксклюзив), *sidebar* (дополнительная информация к основному материалу), *headline* (заголовок), *byline* (подпись, имя автора), происхождением которых англоязычная журналистика обязана печатному делу.

Основная причина, по которой понятие «журналистика» ни разу не упоминается на страницах «Общей истории книгопечатания...» С. Палмера заключается прежде всего в отсутствии подобного слова в английском лексиконе того времени. В первой трети XVIII в. английская пресса находилась лишь у истоков пути, который в дальнейшем приведёт к рождению социокультурного феномена, обозначенного журналистикой. Только «к началу XIX в. в большинстве западных стран становится доминирующей откровенно партийная модель информационной культуры, – утверждают К. Барнхарст и Дж. Нероне. – Именно в этот момент слово “журналистика” входит в употребление. Французское по происхождению, оно поначалу означало журналистику мнений, достигшую расцвета в годы после революции. Проникший в английский язык около 1830 г., этот термин по-прежнему подразумевал партийные дебаты по поводу общественных проблем и имел негативную коннотацию признака политической дисфункции» [4, р. 19].

В подтверждение этих слов можно привести выдержку из примечательной статьи⁵, опубликованной в январе 1833 г. на страницах английского ежеквартального издания «Вестминстер ревью» [11] и всего три месяца спустя перепечатанной американским журналом «Музей иностранной литературы, науки и искусства» [12]: «“Журналистика” – удачный термин для того, что он подразумевает... Слово совершенно необходимо. “Газеты” и “газетные публикации” плохо подходят для подразумеваемого предмета, не говоря уже о дурном налёте. Обмен мнениями и сведениями, который осуществляется в Англии и других странах посредством газет и журналов, слишком важен, чтобы оставаться без названия, и данный термин вполне подойдёт» [11, р. 195].

Дата первой письменной либо печатной фиксации какого-либо слова совсем не обязательно знаменует собой его действительное появление в разговорной речи [13, р. XX], но в данном случае поводом вышеупомянутой статьи выступает осознанная потребность в новой номинации. По всей видимости, в английском языке лексема «журналистика» проделала путь от неологизма в начале 1830-х годов до общепринятого термина, когда в 1859 г. появилась двухтомная «История британской журналистики с момента появления газетных изданий в Англии и до отмены гербового сбора в 1855 г., с зарисовками [из жизни] газетных знаменитостей» А. Эндрюса (далее – «История британской журналистики») [14], представляющая собой, вероятно, первое историческое исследование, в названии которого присутствует это понятие. Во всяком случае составитель, достаточно часто используя его в своей работе, не счёл нужным предложить какое бы то ни было определение.

В качестве своих предшественников Эндрюс называет авторов нескольких публичных лекций, разрозненных статей в различных журналах и энциклопедиях, а также отмечает две работы:

– «Пресса Великобритании и Ирландии, или исследование состояния общественных изданий главным образом в связи с их моральными устоями и политическим влиянием» [15], которая, по его утверждению, появилась ещё в 1809 г.⁶, но которую он характеризует не иначе, как «жалкая» (“wretched”) [14, I, р. 2];

⁵ Представляет собой отклик на статью, появившуюся в сентябре 1832 г. во французском журнале «Энциклопедическое обозрение» [10].

⁶ Здесь Эндрюс не совсем точен: в действительности работа под таким названием была опубликована в Лондоне в 1824 г.

– «Четвёртое сословие: материалы к истории газет и о свободе прессы» Ф.Н. Ханта [16], вышедшая за девять лет до труда Эндрюса и удостоенная им достаточно высокой оценки. Так, он пишет, что появление этой работы едва не заставило его отказаться от собственного замысла, дабы избежать повторения [14, т. I, р. 3].

Хант, по замечанию Эндрюса, взял на себя огромный труд собрать воедино «множество фактов, кроющихся в глубинах наших тёмных, бездонных архивов, в их пыльных и труднодоступных хранилищах» [14, т. I, р. 2]. Однако данной задаче он мог посвятить только перерывы, которые выдавались в его журналистской деятельности. Поэтому книга названа лишь «материалами к истории», то есть подчеркнута их фрагментарность. Именно это в конечном итоге побудило Эндрюса взяться за перо, чтобы восполнить очевидные пробелы [14, т. I, р. 3–4].

Методологическим образцом для него послужила работа П.Л. Симмондса «Статистика газет разных стран»⁷ [17]. Именно она побудила переосмыслить имевшийся в его распоряжении материал, а также предпринять попытку его классификации и систематизации [14, т. I, р. V]. Более того, он осознанно жертвует литературными достоинствами своего труда в пользу логики научного изложения: «Соблюдение хронологического принципа, необходимое, как нам представляется, во всех отношениях, оказалось более сложной задачей, чем может показаться на первый взгляд, поскольку нам пришлось разделить свои записи и классифицировать их в соответствии с различными категориям нашего предмета, такими как история исчезнувших и продолжающих существование газет, нелегальных изданий, законодательства о прессе, репортёрской деятельности, редакторов, газетных авторов и т. д.; и когда мы приступили к организации фактов в их хронологической последовательности, они показались нам крайне разрозненными, оторванными от иных сопряжённых с ними сведений того же порядка, для которых они выступали иллюстрацией либо контрастом» [14, т. I, р. V–VI]⁸.

Помимо этого, А. Эндрюсу присуще чёткое видение объекта изучения: «Нашей темой выступает газета, и только о ней мы намереваемся писать; политические памфлеты в одни времена, и философские эссе – в другие вбирали в себя многие её черты, [поэтому] нам придётся их касаться, однако мы стараемся уделить им минимум внимания, чтобы не отвлекаться от нашего предмета в чистом виде» [14, т. I, р. 4].

Наконец, автор стремится «добиться точности и ясности, сопоставляя источники и ссылаясь на подлинные документы» [14, т. I, р. VIII], а также претендует не только на объективность, но и беспристрастность: «Мы пытались воздержаться от симпатий к любой из политических сил, рассматривая ныне существующие газеты, и наша сдержанность в отношении предметов, относящихся к сфере персонального и личного, не должна разочаровать читателя» [14, т. I, р. VII].

⁷ Она была представлена в качестве доклада 21 июня 1841 г. на заседании Королевского статистического общества, а месяц спустя опубликована на страницах «Журнала статистического общества в Лондоне», однако, по словам Эндрюса, ознакомиться с ней он смог лишь в 1844 г. [14, т. I, р. V].

⁸ «Мы уверены, однако, – продолжает А. Эндрюс, – что тщательно составленный указатель [в конце каждого тома] компенсирует данное неудобство, предлагая отсылки к различным частям работы, где упоминаются конкретное издание либо автор; таким образом, если история издания была разделена на части, чтобы поместить их в те разделы, в которых им надлежало находиться, указатель может являться ключом к головоломке, позволяя читателю сложить её вновь» [14, т. I, р. VI].

Таким образом, труд А. Эндрюса вполне может претендовать на первое подлинно научное исследование в области истории журналистики. Между тем он отразил не только достижения научной мысли, но и условности своего времени: «Поскольку деятельность английской прессы по всеобщему согласию и в соответствии со стремлением её издателей скрыта от общества, то любая попытка приподнять этот занавес ради удовлетворения нескольких пытливых умов стала бы выходом за рамки нашей компетенции и этикета; но в тех случаях, когда сотрудники современной прессы позволили фактам их жизни выйти на свет в такой форме, которая позволяет предположить, что они предоставили их сами, мы использовали их без колебаний...» [14, т. I, р. VII–VIII].

Если данная цитата в наши дни способна вызвать лишь улыбку, то следующий высокопарный пассаж, посвящённый Венеции, столкнулся бы с серьёзными возражениями со стороны современных историков журналистики: «Италия, – каким бы ни был подлинный характер *Acta Diurna*⁹ – может всё же претендовать на титул родины журналистики; и город, чья слава вновь озарила этот полуостров, может оспаривать с Римом честь основания первой общественной газеты» [14, т. I, р. 12].

Вместе с тем предыдущий фрагмент «Истории британской журналистики» указывает на ещё одно примечательное обстоятельство, которое объединяет А. Эндрюса со многими нашими современниками: он использует слова «пресса» и «газеты» в качестве абсолютных синонимов термина «журналистика». Точно так же поступает Ф. Хадсон, четырнадцатью годами позже открывающий свой труд «Журналистика в Соединённых Штатах с 1690 по 1872 г.» словами: «Журналистика! Что это такое? Газеты! Что они собой представляют? *Qu'est-ce la presse? C'est la voix de la nation*»¹⁰ [18, р. XXI]. Подобный взгляд настолько глубоко укоренится у последующих поколений исследователей журналистики, что даже полтора века спустя один из редакторов сборника «Распространение новостной парадигмы (1850–2000 гг.)» сочтёт излишним напомнить, что «газеты и телевидение, как и остальные СМИ, выступают лишь материальными предпосылками, необходимыми для существования журналистики как профессии. Сама же профессия журналиста представляет собой нечто нематериальное» [19, р. 139].

Для первого поколения историков журналистики, подобных Ханту, Эндрюсу и Хадсону, восполнение пробелов в данной области оказалось более актуальной задачей, нежели уточнение дефиниций и выработка чёткого терминологического аппарата. Об этом свидетельствует двухтомный труд Дж. Гранта «История газетной прессы: её происхождение, развитие и современное состояние», появившийся на свет в 1871 г. [20]. Представляя свою работу читателю, автор отмечает в предисловии, что она полностью посвящена истории ежедневных, а также выходящих дважды и трижды в неделю газет британской столицы, в то время как еженедельным лондонским газетам и провинциальной прессе предстояло стать предметом дополнительного, третьего тома, находившегося в процессе

⁹ *Acta diurna populi Romani* («ежедневные дела римского народа») – таблички, на которых ежедневно в людных местах обнародовались официальные сообщения в Древнем Риме со времён Цезаря, прототип современных периодических изданий.

¹⁰ Полагаем, что переход на французский язык: «Что такое пресса? Это голос нации» – не был случайностью, поскольку термин «журналистика» является галлицизмом.

подготовки. «И если моя попытка увенчается успехом, – пишет он, – мы должны получить то, чего не имели ранее, – полную “Историю газетной прессы”» [20, т. I, р. VII].

Несмотря на внушительный объём и многообещающие намерения, работа Гранта встретила довольно скептический приём у критиков. «Ежегодно издаётся огромное количество глупых и ненужных книг, но нам редко доводилось сталкиваться со столь ярким примером глупости и бесполезности, как в случае с так называемой *Историей газетной прессы*», – отмечается в октябрьском номере издания «Сатердей ревью» за 1871 г. [21, р. 529–530]. И далее: «Мистер Грант мог бы создать чрезвычайно интересную и полезную книгу, если бы позаботился о том, чтобы предложить нам хоть какие-то идеи, а не только историю прессы, охарактеризовал бы её политический и литературный характер, используя архивные материалы» [21, р. 530].

Автор этой анонимной рецензии резко обвинял Дж. Гранта не только в многочисленных фактических ошибках и неточностях, но и недостаточном уважении к нормам литературного языка: «Его книга представляет собой яркий пример литературной подённости. Он открыто пренебрегает грамматикой, небрежен с фактами и, по-видимому, совершенно не заботится о том, имеет ли написанное им какой-то смысл» [21, р. 530]. Но даже не это виделось критику главным недостатком двухтомника Гранта: «Автор, уважающий себя и своих читателей, должен понимать недопустимость публикации утверждений, достоверность которых он не в состоянии проверить, нарушения [норм] профессионального и персонального доверия, а также проявления любопытства к сугубо личным вещам, интересоваться которыми у него не больше оснований, нежели счётами его соседей от пекаря или мясника. К сожалению, мистер Грант не ограничивает себя подобными соображениями» [21, р. 531].

Но сколь ни предосудительным казался критикам интерес к внутренним механизмам деятельности прессы (благопристойный у А. Эндрюса, выходящий за рамки у Дж. Гранта или открыто декларируемый Ч. Вингейтом несколько лет спустя¹¹), он закономерно вытекал из того нового и чрезвычайно важного значения, которое приобретали газеты в социально-политической жизни передовых стран Запада. Этот процесс представляется первому поколению историков журналистики естественным и необратимым, он персонифицируется в изданиях и людях, снискавших известность в данной области. Не случайно историография журналистики в тот период тяготела к жанру биографии (см. [4, р. 19]).

Другой примечательной особенностью является восприятие истории прессы в качестве неотъемлемой части всего социально-политического развития, поэтому она едва ли не полностью лишена собственных закономерностей: «Её эпохи совпадают с таковыми у народов и наций, – утверждает в 1873 г. Ф. Хадсон. – Запечатлевая, подобно фотографу-историку, национальные свершения, она образует необходимую часть [системы] национального правления, национального механизма, более того, национального бытия» [18, р. XVII]. Однако в действительности

¹¹ Составленный Ч. Вингейтом сборник «Мнения и интервью о журналистике» предназначался «не только членам Газетной гильдии и тем, кто стремится овладеть её [журналистики] началами, но и обычной публике, которая закономерно ощущает острый интерес к внутренним механизмам важного института – прессы, посредством которого формируется её мнение» [22, р. 9].

этого утверждения заставляет усомниться его же собственная периодизация развития американской прессы с 1690 по 1872 г. Если первые четыре эпохи достаточно чётко соотносятся с основными этапами истории США, то последние две имеют иные основания:

- 1) 1690–1704-е годы – первые американские газеты;
- 2) 1704–1755-е годы – колониальная пресса;
- 3) 1755–1783-е годы – революционная пресса;
- 4) 1783–1833-е годы – политическая партийная пресса, религиозная, сельскохозяйственная, спортивная и коммерческая пресса;
- 5) 1833–1835-е годы – переходная, дешёвая пресса;
- 6) 1835–1872-е годы – независимая, телеграфная пресса [18, р. XXVIII].

Параметры выделения двух последних этапов Хадсон не всегда может описать. Например, переход к пятому периоду он объясняет следующим образом: «Назрела необходимость революции в прессе. Существующие газеты были слишком большими и находились под слишком жёстким контролем политиков. Требовалось нечто новое. Нечто свежее и энергичное» [18, р. 408].

Несмотря на все очевидные недостатки трудов английских и американских историков журналистики второй половины XIX в., именно они заложили фундамент интеллектуальной традиции, которая будет определять развитие этой сферы на большем протяжении XX в. Дж. Кэри, используя предложенный Г. Баттерфилдом термин, назвал этот феномен *вигистской интерпретацией истории журналистики*¹². Развитие журналистики рассматривается «как постепенный процесс неуклонного расширения границ свободы и знания, начинающая с партийной и заканчивая коммерческой прессой, с откатами в сенсационализм и жёлтый журнализм и последующим прорывом в макрекерство и социальную ответственность. Излагаемая порой в классических терминах развития прав личности, иногда в современных терминах права общественности знать, вся эта история в целом определяется тремя основными безличными силами, воздействующими на развитие прессы: индустриализацией, урбанизацией и широкой демократией» [3, р. 89].

И вправду именно под влиянием этих сил в последней трети XIX в. пресса западных стран, прежде всего США и Великобритании, переживает ряд глубоких перемен: выручка от продажи рекламных площадей окончательно вытесняет подписку и партийные субсидии в качестве основного источника газетных доходов, на смену индивидуальным владельцам начинают приходиться корпорации, а в редакциях развиваются разделение труда и специализация, благодаря чему журналистика начинает осознавать себя в качестве самостоятельной профессии.

В результате этих перемен на смену «персональному журнализму» приходит иной принцип, важнейшей отличительной чертой которого выступает независимость редакционной позиции [24, р. 238]. Освободившаяся от партийной опеки пресса нуждалась в обосновании своей новой роли в обществе, и ответом

¹² Имеется в виду «склонность многих историков становиться на сторону протестантов и вигов, восхвалять революции при условии, что они оказались успешными, абсолютизировать некоторые составляющие исторического прогресса, оправдывая, если не прославляя, тем самым настоящее. Вигистская версия исторического процесса ассоциируется с определёнными методами изложения истории и заключениями – иными словами, установочными заблуждениями, которым подвержена любая разновидность истории, если только речь не идёт об историческом исследовании» [23, р. V].

на данную потребность стало создание первых профессиональных объединений, в том числе международных, принятие ими кодексов журналистской этики, а также постановка вопроса о необходимости журналистского образования¹³. Все эти начинания, в сущности, преследовали одну цель – обосновать претензии журналистики на ту же степень профессиональной автономии, которой обладали медицина или юриспруденция.

К. Барнхарст и Дж. Нероне отмечают: «Проект профессионализации требовал от истории журналистики чего-то иного. Новые школы журналистики нуждались в такой истории, которая предлагала бы моральные образцы для честолюбивых профессионалов. Прежняя вигистская история была отчасти полезна, но лишь после очистки её от диссидентов» [4, р. 21].

Ответом на эту потребность стало появление в США, лидировавших по темпам развития журналистского образования¹⁴, целого ряда фундаментальных работ по истории журналистики, таких как:

- «История американской журналистики» Дж.М. Ли [28];
- «Основные тенденции в истории американской журналистики» У. Блеера [29];
- «Американская журналистика: история газет в Соединённых Штатах в течение 250 лет с 1690 по 1940 г.» Ф.Л. Мотта [30];
- «Пресса и Америка» Э. Эмери и Г. Смита [31].

Во многом названные авторы продолжают тяготеть к биографическому подходу предшествующей эпохи¹⁵, но, по меньшей мере, в одном важном отношении ими сделан огромный шаг вперёд: не ставится под сомнение существование у журналистики собственных закономерностей развития.

Вероятно, первым, кто отчётливо сформулировал подобную точку зрения, был Р. Парк, заявивший в 1923 г. следующее: «У газеты есть история; но кроме неё она имеет ещё и естественную историю. Пресса в том виде, каком она существует, не является, как иногда полагают наши моралисты, целенаправленным творением какой-либо небольшой группы ныне живущих людей. <...> Вопреки всем усилиям отдельных людей и их поколений контролировать её и превратить в нечто себе по вкусу, она продолжает развиваться своими собственными, непредсказуемыми путями» [33, р. 273].

«По сути дела, мы немного знаем о газетах, – замечает основатель Чикагской школы социологии. – Они никогда не изучались» [33, р. 276]. Утверждая подобное, исследователь подразумевает отсутствие примеров такого анализа с привлечением социологических методов, которые он, как известно, успешно ис-

¹³ На рубеже XIX – XX вв. дебаты на тему журналистского образования велись как в Европе (см. [25]), так и в США (см. [26]).

¹⁴ В течение всего тридцати лет после открытия в 1908 г. первой школы журналистики в Университете Миссури количество колледжей и университетов, предлагавших учебные программы по журналистике, достигло здесь почти 700 (подробнее об этом см. [27]).

¹⁵ Р. Парк, соглашаясь с У. Блеером, пишет: «Эти тенденции [в истории журналистики] являются отражением разнообразных интересов и мотивов, определявших развитие американских газет. Эти интересы и стремления, в свою очередь, проявлялись на разных этапах газетной истории и персонифицировались в лице немногих личностей: Джеймса Гордона Беннета из «Нью-Йорк геральд», Горация Грили из «Нью-Йорк трибюн», Генри Раймонда из «Нью-Йорк таймс», Сэмюэля Боулза из «Спрингфилд рипаблкен», Эдвина Лоуренса Годкина из «Нэйшн» и «Нью-Йорк ивнинг пост», Чарльза Дана из «Нью-Йорк сан», Уильяма Рокхилла Нельсона из «Канзас-сити стар», Джозефа Пулитцера из «Нью-Йорк уолд», Уильяма Рэндольфа Херста из «Нью-Йорк джорнал» [32, р. 292].

пользовал при рассмотрении американских городов. Не случайно в начале своего эссе он уподобляет газету современным городам. Любопытное следствие такого подхода – различие двух позиций относительно происхождения журналистики:

– журналистика как продукт современности, чья история насчитывает не более 200–300 лет (см. [34–36]), с этим солидарен и Парк¹⁶;

– истоки журналистики уходят в глубокое прошлое, во времена античности, а возможно, и ранее (см. [37–39]).

Он утверждает, что для правильного понимания газеты «мы должны рассматривать её в исторической перспективе» [33, р. 276], и выделяет четыре этапа: 1) первые газеты, 2) партийная пресса, 3) независимые газеты и 4) жёлтая пресса. Эта история является *естественной*, поскольку, хотя первопричиной смены этапов выступают изменения в американском обществе, газеты в ответ на них эволюционируют по своим собственным законам, оказывая обратное влияние на социум.

Первые газеты, зачастую именовавшиеся в Англии “newsletter” (букв. «вестовые письма», «письма новостей»), выросли из личной переписки. Будучи лишь средством обнародования слухов (чем в большей или меньшей степени, по мнению исследователя, остаются до сих пор [33, р. 277]), они использовались для социального контроля¹⁷. С течением времени, однако, становится «очевидно, что газета не способна выполнять для города с населением в миллион человек те же функции, которые в деревне осуществлялись спонтанно посредством слухов и личных контактов» [33, р. 278], поэтому в XVIII в. их назначение меняется.

Как только парламентские лидеры осознали, что посредством прессы они могут обращаться ко всему населению, «газеты под воздействием тех дискуссий, которые они провоцировали, превратились в партийные органы. В результате партийная пресса перестаёт быть хроникой мелких слухов и превращается в то, что принято называть “газетами мнений”» [33, р. 280]. Наиболее яркий представитель подобной прессы в США – газета «Нью-Йорк трибюн» (“New York Tribune”), издаваемая Г. Грили [33, р. 282].

«Но по мере того как... города росли и жизнь в них усложнялась, выяснилось, что политическим партиям для выживания нужна постоянная организация. В итоге партийная этика приобретает большее значение, чем те проблемы, для решения которых партии создавались. Для партийной прессы это означало низведение её роли до кулуарного органа партийной организации» [33, р. 283]. В США подобная ситуация, согласно Р. Парку, сохранялась до 80-х годов XIX в., после чего наиболее независимые газеты выступили против сложившегося порядка, а одна из них – «Нью-Йорк таймс» (“New York Times”) – при поддержке карикатуриста Т. Наста (Thomas Nast) даже разоблачила «шайку Твид»¹⁸.

¹⁶ Условно короткую историю газет («в своём современном виде они появились очень недавно» [33, р. 276]) он называет ещё одной причиной их слабой изученности. Однако некоторые функции, выполняемые газетой сейчас, имели место ещё в древности: «...Газету называют великим софистом. То, что популярные учителя делали для Афин в период Сократа и Платона, в наши времена для простых людей делает пресса» [33, р. 275].

¹⁷ «Наши [государственные] институты по своей сути являются сельскими. А в деревне слухи и общественное мнение выступали главными средствами социального контроля», – пишет Р. Парк [33, р. 278].

¹⁸ Уильям Марси Твид (William Magear Tweed) – член Палаты представителей (1853–1855), сенатор, лидер Демократической партии США в штате Нью-Йорк (глава Таммани-холла), имя которого стало нарицательным для обозначения политической коррупции.

Хотя за прессой к тому моменту закрепились роль борца за общественные интересы – одними из первых стали «Нью-Йорк сан» (“New York Sun”) и «Нью-Йорк геральд» (“New York Herald”), – широкие народные массы ею не интересовались. Лишь в 1880 г. эта «новая политическая сила», которую «олицетворяли не передовые статьи и их авторы, а новости и репортёры» [33, р. 283], привела к появлению «жёлтого журнализма». Его целью стало привлечение массовой читательской аудитории, «включающей женщин и иммигрантов, которые вплоть до того момента вообще не читали газет» [33, р. 288].

Следует отметить, что для Парка термин «жёлтый журнализм» лишён той негативной коннотации, которая появится позднее. Вероятно, именно в силу того обстоятельства, что он представлялся ему закономерным следствием *естественного* развития прессы: «Есть ли способ улучшить состояние существующих газет? Такого средства нет. Можно сказать, что нынешние газеты настолько хороши, насколько это возможно. Если их необходимо сделать лучше, то этого можно достичь путём народного образования и организации [распространения] политической информации и сведений» [33, р. 289].

Сформулированная Р. Парком концепция естественной истории прессы через восемь лет получила поддержку со стороны У. Липпмана. В своём эссе «Две революции в американской прессе» [40], появившемся в 1931 г. на страницах «Йель ревью» (“Yale Review”), он утверждает, что газетное дело в любой стране проходит в своём развитии несколько естественных этапов. На первом оно контролируется правительством, на втором – политическими партиями, а на третьем обретает независимость благодаря способности получать коммерческую выгоду за счёт привлечения значительных масс читателей. В США, по мнению исследователя, этот этап начинается с появлением в 1830-х годах так называемой грошовой прессы (пенни-пресс). На смену ему придёт зародившаяся после Первой мировой войны «эра профессиональной журналистики», которая охватит прессу «стремлением к объективным фактам» настолько, что та сможет освободиться даже от диктата переменчивых вкусов и предубеждений общественности [40, р. 440].

Концепция естественной истории прессы стала важным шагом вперёд в журналистской историографии. Она лежит в основе уже упомянутых выше работ Ф.Л. Мотта и Э. Эмери, выдержавших множество переизданий и продолжающих считаться классическим до сих пор. И всё же, как подчёркивает в 1959 г. А. Невинс, история журналистики явно отстаёт от общих темпов развития американской историографии [41]. Помимо этого, он обращает внимание на любопытный парадокс. В то время как «любой согласится с тем, что американская пресса, начиная с дней Бенджамина Франклина, обладает более богатой и значимой историей, нежели пресса любой другой страны» [41, р. 411], а «журналистика в Америке гораздо более профессиональна, чем в большинстве других стран», «мы располагаем столь малым числом хороших исторических исследований [в данной области], что действительно значимые работы можно перечислить при помощи пальцев обеих рук» [41, р. 413].

Сам он объясняет сложившуюся ситуацию сочетанием нескольких факторов. Во-первых, газета является сложным объектом исторического анализа: «Переизбыток хаотично перемешанных, трудно сочетающихся и по большей

части тривиальных подробностей, хранящихся в [газетных] архивах, возлагает на плечи исследователей такую ношу по их классификации и обобщению, что большинство из них просто ломаются под её тяжестью» [41, р. 413]. Во-вторых, большинство подобных работ написано ветеранами репортёрского корпуса, которые могли бы стать отличными историками, располагай они соответствующей подготовкой. «Теоретически заслуженный газетчик является закалённым и трезвомыслящим автором, способным перерезать горло собственной матери в стремлении к истине, – утверждает А. Невинс. – В действительности же на историческом поприще он зачастую превращается в слащавого сентименталиста...» [41, р. 419]. В ряде случаев такие авторы ставят цель создать льстивый панегирик в расчёте на продвижение по карьерной лестнице; кроме того, сталкиваясь с целым спектром угроз – от потери работы до судебных исков, они вынуждены проявлять уклончивость и даже лицемерие [41, р. 413].

По наблюдениям Невинса, чтобы избежать трудностей, связанных с необходимостью классифицировать и обобщать крайне обширный и разнородный материал, используются два приёма, оправданные лишь в определённых пределах:

1) биографический подход, в рамках которого история рассматривается через призму деяний выдающихся людей, что уместно лишь для эпохи так называемого персонального журнализма;

2) приоритет редакционных мнений (opinions) перед освещением событий (reporting), или «взгляды» в ущерб «новостям».

Всё это допустимо, правда, лишь в отношении журналистики XIX в. «По иронии судьбы, – пишет А. Невинс, – в то самое время, когда на наших глазах разворачивается далеко идущая революция, сводящая к минимуму важность мнений и повышающая значимость новостей, историки журналистики посвящают себя изучению взглядов выдающихся редакторов, пренебрегая теми, кто занимался освещением новостей. Их подача в Америке... является гораздо более трезвой и скептической, чем в Британии, и объективной, нежели во Франции. Но где можно найти анализ того, когда и почему произошла подобная перемена?» [41, р. 416].

Явная склонность ограничивать себя рамками биографического подхода, характерная для историков журналистики, заставляет исследователя указать на то, что в период после 1900 г. заслуживают куда большего внимания не авторы блестящих редакционных материалов, а яркая плеяда исполнительных редакторов (managing editors), подобных К.В. Анда (Carr Vattal Van Anda), который понимал: выдающаяся газета должна не просто поверхностно освещать новости, а проводить кропотливое научное исследование при помощи хорошо подготовленных специалистов, способных разобраться в сложной ситуации [41, р. 416–417].

Разумеется, нельзя утверждать, что революция в методах сбора и подачи новостей осталась вовсе незамеченной. В целом она отражена на страницах обобщающих работ по истории американской журналистики Ф.Л. Мотта [30], У. Эмери и Г.Л. Смита [31]. Они удостоены достаточно высокой оценки, но в то же время А. Невинс отмечает, что названные авторы не пытаются ни объяснить причины произошедших перемен, ни проиллюстрировать их соответствующими примерами.

В полном соответствии с логикой «проекта профессионализации» на первом месте для Невинса стоит воспитательное предназначение истории журналистики, которая должна обеспечить моральные идеалы для юношей и девушек, избравших эту непростую стезю: «Они понимают, что журналистика представляется менее привлекательным призванием, чем юриспруденция, медицина, технические специальности, научные исследования и даже преподавание в университете; она не сулит комфортной жизни и обладает невысоким престижем. Но они уверены, что работа в газете, в отличие от любого другого призвания, позволит им непосредственно и с наибольшей отдачей работать на благо общества. <...> Взгляды амбициозных новичков прикованы к великой цели служения городу либо штату; и история, способная предложить примеры подобного служения, станет для них источником воодушевления» [41, р. 422].

Как отмечают К. Барнхарст и Дж. Нероне, второй этап развития истории журналистики в США и Великобритании унаследовал целый ряд недостатков первого, связанных, в частности, с неспособностью предложить убедительные объяснения происходивших перемен. Так, Ф.Л. Мотт утверждает следующее: «Единственным оправданным обобщением в отношении журналистики является то, что никакие обобщения в отношении неё не являются оправданными» [42, р. VII]. Неудивительно поэтому, что и его попытки систематизировать материал, по справедливому утверждению М. Шадсона, порой выглядят малоубедительными. Например, Мотт объясняет численный рост американских газет и значительное расширение их аудитории с 1833 по 1860 г. четырьмя основными причинами:

- во-первых, удвоением населения США;
- во-вторых, развитием системы общественного образования;
- в-третьих, ростом интереса к социальным проблемам, прямо обусловленным демократическим устройством страны;
- в-четвёртых, сокращением цен на газеты [42, р. 303–304].

«Почему лишь пенни-пресс понижает цену? – задаёт закономерный вопрос Шадсон. – Мотт не объясняет этого. Он связывает появление пенни-пресс с индустриальной революцией, но при этом максимально краток в объяснении того, как это следует понимать. Он лишь сообщает нам, что “за всем этим стояли машины”»¹⁹ [43, р. 42].

Другой яркой особенностью, объединявшей сторонников так называемой естественной истории журналистики, является восприятие рыночных механизмов и свободной конкуренции как одной из её главных движущих сил. Но «вера в благотворность рыночных сил выглядит довольно странно по ряду причин. По-видимому, она требует добровольного забвения ориентировавшейся на массовый рынок прессы, которая к концу XIX в. породила столь настоятельную потребность в профессионализации. Представляется также, что она игнорирует монополии информационных агентств и новых вещательных СМИ, вызывавшие общественную озабоченность по поводу влияния СМИ и тем самым обеспечившие рычаг для внедрения новых стандартов новостной культуры. По всей

¹⁹ Столь же малоубедительно, на наш взгляд, выглядят Э. и М. Эмери, когда пытаются объяснить причины возникновения стиля «перевернутая пирамида» в американской прессе (см. [44]).

вероятности, она противоречит и основополагающей в проекте профессионализации идее “разделительных стен” между бухгалтерским отделом и редакцией» [4, р. 21].

Подобная критика во многом справедлива, признаёт Дж. Кэри на страницах упомянутого нами эссе «Проблема истории журналистики». И всё же, по его мнению, зачастую она носит поверхностный характер и не способна подняться до действительно существенных проблем, главная из которых заключается в том, что историки журналистики слишком узко определяют свой предмет, ограничивая тем самым круг изучаемых ими явлений. Они настолько скованы рамками вигистской интерпретации, что в США отсутствует даже радикальное марксистское прочтение истории прессы [3, р. 87–88]. «Наши исследования необходимо оживить при помощи свежих перспектив и новых интерпретаций, а не дополнительных данных», – утверждает он [3, р. 88]. Исходным импульсом для этого, по мнению Кэри, могла бы стать разработка *культурологической истории журналистики*²⁰. «Мы располагаем правовой историей прессы, [её] институциональной историей, технической историей и отчасти даже экономической историей. Но история освещения событий (reporting) не только не написана, но даже не обсуждается» [3, р. 90].

Иными словами, главная идея Дж. Кэри явилась развитием одного из тезисов, выдвинутых пятнадцатью годами ранее А. Невинсом. «Основная и всё ещё ненаписанная история журналистики, – пишет Кэри, – это история сообщения о событии как понятия (idea of a report): его возникновения среди определённого круга людей как желаемой формы отображения реальности, его эволюции, определения и переопределения с течением времени (то есть появления и исчезновения последовательных стилистических волн в освещении событий²¹), и в конечном итоге я полагаю, его исчезновения либо радикальной девальвации в качестве одного из аспектов человеческого сознания» [3, р. 90–91].

Дж. Кэри стремился не только рассмотреть упомянутую А. Невинсом «далеко идущую революцию» в более широком историческом контексте, но и вывести её изучение на новый качественный уровень, для обозначения которого ему, собственно, и понадобился новый термин: «Я называю это культурологической историей по следующим причинам. Под культурой я просто понимаю организацию социального опыта в человеческом сознании, проявляющуюся в символических действиях. Журналистика в подобном случае выступает особой социальной формой, чрезвычайно специфичным типом сознания, характерной организацией социального опыта. Эту форму сознания можно постичь лишь

²⁰ В данном случае перевод используемого исследователем понятия “cultural history” как «культурологическая история» представляется более уместным, нежели предлагаемое некоторыми англо-русскими словарями выражение «история культурь». Дж. Кэри поясняет суть данного явления на примере перехода Цезаря через Рубикон. В данном случае культурологическая история должна попытаться реконструировать чувства Цезаря, а именно «то специфическое сочетание отношений, эмоций и ожиданий, которое он испытывал во время этого поступка» [3, р. 89]. «Цель культурологической истории... состоит в воссоздании представлений прошлого, исторического сознания. <...> Мы хотим продемонстрировать... какой смысл имели [их] действия с точки зрения исторических персонажей: каково это было жить и действовать в конкретный период человеческой истории» [3, р. 90].

²¹ В качестве одной из таких «стилистических волн» Дж. Кэри называет «новый журнализм» 60-х годов XX в.; этот список можно продолжить, включив туда «интерпретирующий репортаж», «прецизионную журналистику», «журналистику данных» и т. д.

через её историю, сопоставляя с более древними формами сознания (мифологическим, религиозным), которые она частично вытеснила, и другими формами, одновременно с которыми она возникла и взаимодействует, – научное сообщение, эссе и реализм [в философии и искусстве]» [3, р. 91].

Движение к этой цели, считает Дж. Кэри, даёт возможность преодолеть оковы вигистской интерпретации и превратить историю журналистики в одно из наиболее важных и интересных направлений всей исторической науки: «Культурологическая история журналистики позволила бы изучить рефлексивные процессы, при помощи которых возникло современное сознание [выраженное] в символической форме, известной как сообщение (report), и, в свою очередь, то, как современное сознание получает своё институционализованное выражение в журналистике» [3, р. 93].

Опубликованное во время завершения Уотергейтского скандала, традиционно рассматриваемого в качестве одного из триумфов американской журналистики, эссе Дж. Кэри предвосхитило критическую волну, парадоксальным образом зародившуюся вскоре после этого на почве журналистских исследований. «В течение следующего десятилетия “объективность” как главный профессиональный идеал журналистики будет переосмыслен и низведён до “стратегического ритуала”, – пишет М. Шадсон во введении ко второй части посмертного издания работ Кэри. – Становление журналистики в качестве самостоятельной профессии будет пересмотрено в нелестном для журналистов свете; её профессиональные нормы и ценности начнут рассматриваться как социоисторические порождения коммерциализирующейся культуры, а не трансцендентные идеалы, постоянно манящие смертных» [45, р. 79]. Далее отмечается: «Отказ от “вигизма” не стал осознанным шагом в направлении культурологической истории, к которой призывал Кэри. <...> Этот поворот всё ещё не произошёл в полной степени. В данном отношении Кэри оказался чем-то большим, нежели голос в пустыне, но гораздо меньшим, чем лидер интеллектуального движения» [45, р. 82].

Во многом подобная ситуация оказалась следствием сложности сформулированной цели, в чём Шадсон имел возможность убедиться на собственном опыте: «Зондирование духа других эпох посредством популярных тогда форм журналистики – эта работа едва начата. Даже если удаётся установить, что именно является очевидным компонентом сообщения, очень трудно выяснить, что предвещают в “сознании” его изменчивые контуры. Я проследил историю интервью и газетного лида в период с 1860 по 1920 г., но не пришёл ни к чему большему, чем умозрительные предположения о том, что могла бы означать их заметная трансформация в сознании и для него» [45, р. 81].

Значительно большего в данном отношении, по мнению М. Шадсона, удастся добиться историкам, работающим в смежных областях, таких как история книги или чтения. Один из них в 1990 г. попытался объяснить на страницах «Джорнализм квотерли», почему переход к культурологической истории в области массовых коммуникаций не может быть успешным. «Чтобы оказаться полезной, культурологическая история, на мой взгляд, должна брать начало как в социальной, так и интеллектуальной истории. К сожалению, в нашей области подобное невозможно. Боюсь, что зарождающаяся культурологическая история

массовых коммуникаций, по всей вероятности, будет в большей степени простекать из интеллектуальной истории, нежели социальной, просто потому, что историография в области массовых коммуникаций располагает слишком малым объёмом социальной истории, которую она могла бы привнести в эту смесь»²², – пишет Д. Норд [46, р. 645].

Согласимся с тем, что исследования, восполняющие пробел в социальной истории журналистики, до сих пор остаются скорее исключением, нежели правилом. Среди них следует отметить такие, как «Открытие новостей: социальная история американских газет» М. Шадсона [43], «Сообщества журналистики: история американских газет и их читателей» Д. Норда [47], «Социальная история СМИ: от Гуттенберга до Интернета» А. Бригса и П. Бёрка [48]. Что же касается основной массы работ, продолжающих традиции предшествующего периода, то для них, по мнению Шадсона, характерны как минимум пять типичных заблуждений, распространённых настолько, что возможно создать своего рода «Руководство по устранению неполадок в истории журналистики» [49]. К их числу относятся:

- 1) предположение, что СМИ всегда занимают центральное место в исторических событиях или процессах;
- 2) уверенность в том, что коммерческие интересы неизменно оказывают негативное влияние на журналистику;
- 3) тенденция сводить сложные явления к технологическому или экономическому объяснению;
- 4) восприятие журналистики как находящейся в стадии непрерывной деградации;
- 5) убеждение, что причиной рождения СМИ является общественная потребность в них [49, р. 463].

Между тем очередной виток кризиса на американском и европейском медиарынках, потребовавший пересмотра традиционной концепции журналистики, вновь обострил интерес к её истории. В 2011 г. Х. Пётткер публикует в журнале «Джорнализм практик» статью под красноречивым названием «Источник понимания: почему журналистика нуждается в истории как тематической области» [50]. В ней он, в частности, утверждает, что «столетие новостной парадигмы [в журналистике] подошло к концу» [50, р. 522], а следовательно, журналистика должна сделать своей главной целью то, что до сих пор считалось вторичной задачей – помогать общественности лучше понимать окружающую нас действительность (так называемая ориентирующая функция). Для этого журналистика нуждается в исторических знаниях, ведь мир, в котором мы живём, состоит из двух взаимосвязанных и взаимодополняющих сфер: природы и человеческой культуры. Первая, как известно, подчиняется законам естественного развития, которые могут быть математически смоделированы, что позволяет со значительной степенью вероятности предсказывать различные природные события. А вторая, включающая в себя искусство, политику, общественные отношения и являющаяся результатом взаимодействия людей, такому моделированию

²² Д. Норд следующим образом поясняет разницу между тремя упомянутыми им видами истории: «Просту говоря, интеллектуальная история посвящена человеческой мысли, социальная история – человеческим действиям, а культурологическая история – это пересечение (а возможно, объединение) первых двух» [46, р. 645].

практически не поддается. Единственный возможный способ объяснить культурные феномены – рассматривать их возникновение и изменение с течением времени, то есть историю [50, p. 523–524].

Именно изучение истории журналистики выступает залогом к пониманию её дальнейшего развития. Не случайно М. Стефенс, предприняв в 1989 г. попытку создать культурологическую историю журналистики [37], четверть века спустя на страницах своей новой книги «После новостей: будущее журналистики» пишет: «Возможно, из-за того что внимание журналистов сосредоточено на том, что происходит здесь и сейчас, они, в отличие от политиков или художников, в меньшей степени склонны учиться на уроках своих предшественников» [51, p. 1]. Между тем, обратившись к истории, они могут заметить: их профессия не всегда была такой, как сегодня. Осознание этого факта, вероятно, полагает Стефенс, является ключом к успешному преодолению современного кризиса журналистики. Однако, как представляется, для этого сама история журналистики должна отвечать требованиям сегодняшнего дня.

Литература

1. *Erjavec K.* How to study the history of journalism? Critical reflection on the directions of the history of journalism // *Media Res.* – 2008. – V. 14, No 1. – P. 21–34.
2. *Сиберт Ф.С., Шрамм У., Путерсон Т.* Четыре теории прессы: Представления о том, какой должна быть пресса и чем ей следует заниматься в авторитарной и либертарианской теориях и в концепциях социальной ответственности и советского коммунизма. – М.: Вагриус, 1998. – 223 с.
3. *Carey J.* The Problem of Journalism History // *Carey J. A Critical Reader.* – Minneapolis: Univ. Minnesota Press, 1997. – P. 86–94.
4. *Barnhurst K.G., Nerone J.* Journalism History // *The Handbook of Journalism Studies.* – N. Y.; London: Routledge, 2009. – P. 17–28.
5. *Palmer S.* A General History of Printing; from the First Invention of It in the City of Mentz to Its Propagation and Progress Thro' Most of the Kingdoms in Europe: Particularly Its Introduction and Success of It Here in England. London, Printed for A. Bettesworth, C. Hitch and C. Davis. 1733. – 400 p.
6. *Welke M.* Die Entwicklung der frühen Zeitungsdrucktechnik // *Zeitungsdruck. Die Entwicklung der Technik vom 17. zum 20. Jahrhundert.* – München: K.G. Saur Verlag, 2000. – S. 9–28.
7. *Thomas I.* The History of Printing in America: With a Biography of Printers, and an Account of Newspapers: in 2 v. – Worcester: From the Press of I. Thomas, 1810. – V. 1. – 487 p.; V. II. – 576 p.
8. *The History of Printing.* – London: Printed by W. Clowes and Sons, 1855. – 232 p.
9. *Немировский Е.Л.* Изобретение Иоганна Гутенберга. Из истории книгопечатания. Технические аспекты. – М.: Наука, 2000. – 659 с.
10. *Saint-Cheron A.* Du Journalisme // *Revue Encyclopedique.* – Paris: Publiée par MM. H. Carnot et P. Leroux, 1832. – P. 533–553.
11. *Du Journalisme. Art. 1.* *Revue Encyclopedique.* Publiée par MM. H. Carnot et P. Leroux. – Paris. Septembre 1832 // *Westminster Rev.* – 1833. – V. XVIII, No XXXV. – P. 195–208.
12. *Journalism* // *The Museum of Foreign Literature, Science and Art.* – 1833. – Apr. – P. 450–456.

13. Webster's New Universal Unabridged Dictionary. – N. Y.: Barnes & Noble Books, 1996. – XXVI, 2230 p.
14. *Andrews A.* The History of British Journalism: From the Foundation of the Newspaper Press in England, to the Repeal of the Stamp Act in 1855, with Sketches of Press Celebrities: in 2 v. – London: R. Bentley, 1859. – V. I. – VIII, 339 p.; V. II. – 365 p.
15. The Periodical Press of Great Britain and Ireland: Or, an Inquiry into the State of the Public Journals, Chiefly as Regards Their Moral and Political Influence. – London: Printed by S. and R. Bentley. 1824. – 219 p.
16. *Hunt F.K.* The Fourth Estate: Contributions towards a History of Newspapers, and of the Liberty of the Press: in 2 v. – London: D. Bogue, 1850. – V. I. – VIII, 302 p.; V. II. – IV, 298 p.
17. *Simmonds P.L.* Statistics of newspapers in various countries // J. Stat. Soc. London. – 1841. – V. IV – P. 111–136.
18. *Hudson F.* Journalism in the United States, from 1690 to 1872. – N. Y.: Harper & Brothers, 1873. – XLI, 789 p.
19. *Pöttker H.* Comments on the German tradition of News Journalism // Diffusion of the News Paradigm 1850–2000 / Ed. H. Pöttker, S. Høyer. – Göteborg: Nordicom, 2005. – P. 139–145.
20. *Grant J.* The Newspaper Press: Its Origin, Progress, and Present Position: in 2 v. – London: Tinsley Brothers, 1871. – V. I. – XIV, 456 p.; V. II. – X, 462 p.
21. Grant's Newspaper Press // Saturday Rev. – 1871 – V. 32, No 834. – P. 529–531.
22. Views and Interviews on Journalism / Ed. C.F. Wingate. – N. Y.: F.B. Patterson, 1875. – 372 p.
23. *Butterfield H.* The Whig Interpretation of History. – N. Y.: W.W. Norton & Co., Inc., 1965. – VI, 132 p.
24. *Emery M., Emery E.* The Press and America: An Interpretive History of the Mass Media. – New Jersey, 1984. – 774 p.
25. *Bjork U.J.* The European debate in 1894 on journalism education // Journalism Mass Commun. Educ. – 1996. – V. 51, No 1. – P. 68–76.
26. *Виниченко В.М.* Журналистское образование в США: путь от ремесла к профессии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. – 2009. – №. 6. – С. 89–101.
27. *Виниченко В.М.* Журналистское образование в США: от журналистики к массовым коммуникациям // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. – 2010. – №. 1. – С. 100–112.
28. *Lee J.M.* History of American Journalism. – Boston; N. Y.: Houghton Mifflin, 1917. – 462 p.
29. *Bleyer W.G.* Main Currents in the History of American Journalism. – Boston: Houghton Mifflin, 1927. – 464 p.
30. *Mott F.L.* American Journalism: A History of Newspapers in the United States through 250 Years, 1690–1940. – N. Y.: Macmillan, 1941. – 772 p.
31. *Emery E., Smith H.L.* The Press and America. – N. Y.: Prentice-Hall, 1954. – 794 p.
32. *Park R.E.* Main currents in the history of American journalism by William Grosvenor Bleyer (a review) // Am. J. Sociol. – 1927. – V. 33, No 2. – P. 291–293.
33. *Park R.E.* The natural history of the newspaper // Am. J. Sociol. – 1923. – V. 29, No 3. – P. 273–289. – doi: 10.1086/213596.
34. *Schudson M.* The Sociology of News. – N. Y.: W.W. Norton, 2003. – 261 p.
35. *Hartley J.* Journalism and modernity // Austr. J. Commun. – 1995. – V. 22, No 2. – P. 20–30.
36. *Chalaby J.K.* Journalism as an Anglo-American invention a comparison of the development of French and Anglo-American journalism, 1830s–1920s // Eur. J. Commun. – 1996. – V. 11, No 3. – P. 303–326. – doi: 10.1177/0267323196011003002.

37. *Stephens M.* A History of News: from the Drum to the Satellite. – N. Y.: Viking, 1988. – 401 p.
38. *Windschuttle K.* Journalism and the Western tradition // *Aust. Journalism Rev.* – 1999. – V. 21, No 1. – P. 50–67.
39. *Lamble S.* News as it Happens: An Introduction to Journalism. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2014. – 468 p.
40. *Lippmann W.* Two revolutions in the American press // *Yale Rev.* – 1931. – V. 20, No 3. – P. 433–441.
41. *Nevins A.* American journalism and its historical treatment // *J. Mass Commun. Q.* – 1959. – V. 36, No 4. – P. 411–519. – doi: 10.1177/107769905903600403.
42. *Mott F.L.* American Journalism: A History, 1690–1960. – N. Y.: Macmillan, 1962. – XIV, 901 p.
43. *Schudson M.* Discovering the News: A Social History of American Newspapers. – Basic Books, 1981. – 228 p.
44. *Виниченко В.М.* Рождение «перевернутой пирамиды»: пять ответов на один вопрос // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика.* – 2006. – №. 5. – С. 85–93.
45. *Schudson M.* Introduction to Part II // *Carey J. A Critical Reader.* – Minneapolis: Univ. Minnesota Press, 1997. – P. 86–94.
46. *Nord D.P.* Intellectual history, social history, cultural history... and our history // *Journalism Q.* – 1990. – V. 67, No 4. – P. 645–648. – doi: 10.1177/107769909006700417.
47. *Nord D.P.* Communities of Journalism: A History of American Newspapers and Their Readers. – Urbana: Univ. Illinois Press, 2001. – 293 p.
48. *Briggs A., Burke P.* A Social History of the Media: From Gutenberg to the Internet. – Cambridge: Polity Press, 2009. – 346 p.
49. *Schudson M.* Toward a Troubleshooting Manual for Journalism History // *J. Mass Commun. Q.* – 1997. – V. 74, No 3. – P. 463–476. – doi: 10.1177/107769909707400302.
50. *Pöttker H.* A Reservoir of understanding: Why journalism needs history as a thematic field // *Journalism Pract.* – 2011. – V. 5, No 5. – P. 520–537. – doi: 10.1080/17512786.2011.601898.
51. *Stephens M.* Beyond News: The Future of Journalism. – N. Y.: Columbia Univ. Press, 2014. – 234 p.

Поступила в редакцию
21.04.17

Виниченко Виталий Михайлович, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории журналистики

Южный федеральный университет
ул. Б. Садовая, д. 105/42, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия
E-mail: vitalyv@sfedu.ru

**The Evolution in Perception of Journalism History
in the Works of English and American Researchers***V.M. Vinichenko**Southern Federal University, Rostov-on-Don, 344006 Russia*E-mail: *vitalyv@sfedu.ru*

Received April 21, 2017

Abstract

The aim of this paper is to trace the development of journalism history as an independent subfield in English and American historiography beginning with its spring from the sphere of book printing. Comparing the pioneering works of Anglo-American authors of the 19th century with those of their followers, the evolution of journalism history has been traced through the phases of formation, natural and social histories, and cultural history. The phase of formation was marked by the emergence of such groundbreaking works as those of A. Andrews in England and F. Hudson in the United States, who both treated the development of journalism as an inherent part of human history as a whole. The second phase starts with the opening of first Journalism Schools in the early 20th century. Contrary to their predecessors, the subsequent generation of historians believed that journalism and print media have their own “natural” history, which follows specific patterns. Having been manifested initially in two famous essays of R. Park and W. Lippmann, this approach was further developed in the well-known and still popular books of F.L. Mott, E. Emery, H.L. Smith, and others. However, during the second half of the 20th century, the “natural history approach” faced growing criticism for its limitations as well. This challenge should be answered by transition to the next phases of social and cultural histories. Finally, this paper underlines the importance of journalism history in overcoming the current journalism crisis, but journalism history in England and the United States should overcome its protracted staying in the phase of natural history to fulfill this purpose.

Keywords: history of book printing, natural history of journalism, social history of journalism, cultural history of journalism

References

1. Erjavec K. How to study the history of journalism? Critical reflection on the directions of the history of journalism. *Media Research*, 2008, vol. 14, no. 1, pp. 21–34.
2. Siebert F.S., Schramm W., Peterson T. *Four Theories of the Press: The Authoritarian, Libertarian, Social Responsibility, and Soviet Communist Concepts of what the Press Should Be and Do*. Univ. of Ill. Press, 1956. 153 p.
3. Carey J. A Critical Reader. *The Problem of Journalism History*. Minneapolis, Univ. Minn. Press, 1997, pp. 86–94.
4. Barnhurst K.G., Nerone J. *The Handbook of Journalism Studies. Journalism History*. New York, London, Routledge, 2009, pp. 17–28.
5. Palmer S. A General History of Printing; from the First Invention of It in the City of Mentz to Its Propagation and Progress Thro' Most of the Kingdoms in Europe: Particularly Its Introduction and Success of It Here in England. London, A. Bettesworth, C. Hitch and C. Davis. 1733. 400 p. (In Russian)
6. Welke M. *Zeitungsdruck. Die Entwicklung der Technik vom 17. zum 20. Jahrhundert. Die Entwicklung der frühen Zeitungsdrucktechnik*. München, K.G. Saur Verlag, 2000. S. 9–28.
7. Thomas I. *The History of Printing in America: With a Biography of Printers, and an Account of Newspapers*. 2 Vol. Worcester, I. Thomas, 1810. Vol. 1, 487 p. Vol. 2, 576 p.
8. *The History of Printing*. London, W. Clowes and Sons, 1855. 232 p.

9. Nemirovskii E.L. Johannes Gutenberg's Invention. From the History of Book Printing. Technical Aspects. Moscow, Nauka, 2000. 659 p.
10. Saint-Cheron A. Revue Encyclopedique. *Du Journalisme*. Paris, Publiée par MM. H. Carnot et P. Leroux, 1832, pp. 533–553.
11. Du Journalisme. Art. 1. Revue Encyclopedique. Publiée par MM. H. Carnot et P. Leroux. – Paris. Septembre 1832. *Westminster Review*, 1833, vol. XVIII, no. XXXV, pp. 195–208.
12. The Museum of Foreign Literature, Science and Art. *Journalism*, 1833, Apr., pp. 450–456.
13. Webster's New Universal Unabridged Dictionary. New York, Barnes & Noble Books, 1996, XXVI, 2230 p.
14. Andrews A. The History of British Journalism: From the Foundation of the Newspaper Press in England, to the Repeal of the Stamp Act in 1855, with Sketches of Press Celebrities. 2 Vols. London, R. Bentley, 1859. Vol. I, VIII, 339 p. Vol. II, 365 p.
15. The Periodical Press of Great Britain and Ireland: Or, an Inquiry into the State of the Public Journals, Chiefly as Regards Their Moral and Political Influence. London, S. and R. Bentley, 1824. 219 p.
16. Hunt F.K. The Fourth Estate: Contributions towards a History of Newspapers, and of the Liberty of the Press. 2 Vols. London, D. Bogue, 1850. Vol. I, VIII, 302 p. Vol. II, IV, 298 p.
17. Simmonds P.L. Statistics of newspapers in various countries. *Journal of the Statistical Society of London*, 1841. Vol. IV, pp. 111–136.
18. Hudson F. Journalism in the United States, from 1690 to 1872. New York, Harper & Brothers, 1873, XLI, 789 p.
19. Pöttker H. Diffusion of the News Paradigm 1850–2000. Pöttker H., Høyer S. (Ed.). *Comments on the German Tradition of News Journalism*. Göteborg, Nordicom, 2005, pp. 139–145.
20. Grant J. The Newspaper Press: Its Origin, Progress, and Present Position. 2 Vols. London, Tinsley Brothers, 1871. Vol. I, XIV, 456 p. Vol. II, X, 462 p.
21. Grant's Newspaper Press. *The Saturday Review*, 1871, vol. 32, no. 834, pp. 529–531.
22. Views and Interviews on Journalism. Wingate C.F. (Ed.). New York, F.B. Patterson, 1875. 372 p.
23. Butterfield H. The Whig Interpretation of History. New York, W.W. Norton & Co., Inc., 1965, VI, 132 p.
24. Emery M., Emery E. The Press and America: An Interpretive History of the Mass Media. New Jersey, 1984. 774 p.
25. Bjork U.J. The European debate in 1894 on journalism education. *Journalism and Mass Communication Educator*, 1996, vol. 51, no. 1, pp. 68–76.
26. Vinichenko V.M. Journalism education in the United States: A pathway from craft to profession. *Vestnik Moskovskogo Universiteta, Seriya 10: Zhurnalistika*, 2009, no. 6, pp. 89–101. (In Russian)
27. Vinichenko V.M. Journalism education in the United States: From Journalism to Mass Communication. *Vestnik Moskovskogo Universiteta, Seriya 10: Zhurnalistika*, 2010, no. 1, pp. 100–112. (In Russian)
28. Lee J.M. History of American Journalism. Boston; NY, Houghton Mifflin, 1917. 462 p.
29. Bleyer W.G. Main Currents in the History of American Journalism. Boston, Houghton Mifflin, 1927. 464 p.
30. Mott F.L. American Journalism: A History of Newspapers in the United States through 250 Years, 1690–1940. New York, Macmillan, 1941. 772 p.
31. Emery E., Smith H.L. The Press and America. New York, Prentice-Hall, 1954. 794 p.
32. Park R.E. Main currents in the history of American journalism by William Grosvenor Bleyer (a review). *American Journal of Sociology*, 1927, vol. 33, no. 2, pp. 291–293.
33. Park R.E. The natural history of the newspaper. *American Journal of Sociology*, 1923, vol. 29, no. 3, pp. 273–289. doi: 10.1086/213596.
34. Schudson M. The Sociology of News. New York, W.W. Norton, 2003. 261 p.
35. Hartley J. Journalism and modernity. *Australian Journal of Communication*, 1995, vol. 22, no. 2, pp. 20–30.

36. Chalaby J.K. Journalism as an Anglo-American invention a comparison of the development of French and Anglo-American journalism, 1830s–1920s. *European Journal of Communication*, 1996, vol. 11, no. 3, pp. 303–326. doi: 10.1177/0267323196011003002.
37. Stephens M. A History of News: from the Drum to the Satellite. New York, Viking, 1988. 401 p.
38. Windschuttle K. Journalism and the Western tradition. *Australian Journalism Review*, 1999, vol. 21, no. 1, pp. 50–67.
39. Lamble S. News as it Happens: An Introduction to Journalism. Oxford, Oxford Univ. Press, 2014. 468 p.
40. Lippmann W. Two revolutions in the American press. *The Yale Review*, 1931, vol. 20, no. 3, pp. 433–441.
41. Nevins A. American journalism and its historical treatment. *Journalism and Mass Communication Quarterly*, 1959, vol. 36, no. 4, pp. 411–519. doi: 10.1177/107769905903600403.
42. Mott F.L. American Journalism: A History, 1690–1960. New York, Macmillan, 1962. XIV, 901 p.
43. Schudson M. Discovering the News: A Social History of American Newspapers. Basic Books, 1981. 228 p.
44. Vinichenko V.M. Emergence of “reversed pyramid”: Five answers to a single question. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*, 2006, no. 5, pp. 85–93. (In Russian)
45. Schudson M. A Critical Reader. Carey J. *Introduction to Part II*. Minneapolis, Univ. Minnesota Press, 1997, pp. 86–94.
46. Nord D.P. Intellectual history, social history, cultural history... and our history. *Journalism Quarterly*, 1990, vol. 67, no. 4, pp. 645–648. doi: 10.1177/107769909006700417.
47. Nord D.P. Communities of Journalism: A History of American Newspapers and Their Readers. Urbana, Univ. Illinois Press, 2001. 293 p.
48. Briggs A., Burke P. A Social History of the Media: From Gutenberg to the Internet. Cambridge, Polity Press, 2009. 346 p.
49. Schudson M. Toward a troubleshooting manual for journalism history. *Journalism and Mass Communication Quarterly*, 1997, vol. 74, no. 3, pp. 463–476. doi: 10.1177/107769909707400302.
50. Pöttker H. A Reservoir of understanding: Why journalism needs history as a thematic field. *Journalism Practice*, 2011, vol. 5, no. 5, pp. 520–537. doi: 10.1080/17512786.2011.601898.
51. Stephens M. Beyond News: The Future of Journalism. New York, Columbia Univ. Press, 2014. 234 p.

Для цитирования: Виниченко В.М. Эволюция взглядов на историю журналистики в трудах англо-американских исследователей // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 3. – С. 691–711.

For citation: Vinichenko V.M. The evolution in perception of journalism history in the works of English and American researchers. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 3, pp. 691–711. (In Russian)